

21 Января 2015 **Сергей Бирюков**

Бриллианты Хворостовского

Лучший баритон мира помянул обладательницу самого великого меццо-сопрано

Консерватория, Дмитрий Хворостовский — концерт-поклон Ирине Архиповой, более четверти века назад давшей одному из лучших баритонов мира путевку в большую певческую жизнь. 80 минут классического русского романса. Ощущение — будто побывал в мастерской гениального ювелира и подглядел, как он вытачивает свои творения.

На сцене — портрет Ирины Константиновны, которой в эти дни исполнилось бы 90 лет. С 1987 года, с возглавляемого Архиповой конкурса Глинки, где страна впервые узнала о том, что у нее есть молодой баритон с задатками мировой звезды, дружеское и человеческое участие великой певицы помогало Дмитрию уверенно двигаться к высотам карьеры. Не только в опере — ведь Ирина Константиновна была и непревзойденным интерпретатором камерного репертуара. Прежде всего русского.

Поэтому все первое отделение — классические романсы из ее творческого багажа, да не какие-нибудь, а на стихи Пушкина. «Я помню чудное мгновение», «Юношу, горько рыдая», «Для берегов отчизны дальной», «Редет облаков летучая гряда», «Не пой, красавица», «Подъезжая под Ижоры»... Глинка, Даргомыжский, Бородин, Римский-Корсаков, Рахманинов, Свиридов... Хрестоматийней некуда. Тем чудовищней ответственность. Качество — ювелирное. Тут всё — благородные бриллианты: звуки, улыбка, сценическое поведение, вплоть до драгоценностей на пальцах. Наверное, нет в мире певца, работающего более чисто во всех смыслах слова: интонация, стиль... И даже не замечаешь грани, когда в череду романсовых «шлягеров» вкрапляются менее известные вещи — например, романсы Метнера, к сожалению, звучащие с концертных сцен значительно реже, чем они того достойны: «Я пережил свои желанья», «Мечтателю», «Зимний вечер»...

Да еще пианист Ивари Илья — настоящее альтер эго Дмитрия, точнее эти двое — один музыкальный организм. Сумрачная сосредоточенность бородинского монолога о любви, которую не может прервать даже смерть: если закроешь глаза, ощущение, будто тот, чей голос выпевает эту скорбную молитву, и тот, чьи пальцы точно ставят тихие акценты на колокольном подголоске, — один музыкант.

Второе отделение — цикл «Петербург» Георгия Свиридова, 20 лет назад законченный и посвященный композитором Дмитрию, а до того писавшийся тоже почти 20 лет. Великая честь — навсегда остаться в истории музыки ТАКИМ посвящением, но и моральный груз огромный — поди похлеще, чем в первом отделении. Эмоциональный диапазон — от бесстрастного, словно ход времени, «Флюгера» и призрачно-светлого, как картины Борисова-Мусатова, «Золотого весла» к горькой иронии «Невесты», мрачному набату «Голоса из хора», отчаянному до почти пошлости вальсу «Петербургская песенка»... И сколько же эмоциональных оттенков обнаруживается в таком, казалось бы, ровном, академичном, совсем без заигрываний с «актерством», голосе Хворостовского!

Иной раз эта детальность работы с фразой и отдельными звуками даже выглядела излишней. Такое растянутое произнесение музыкальной мысли, вслушивание в мельчайшие ее детали, — уже что-то вроде разглядывания любимого лица в лупу: теряется непосредственность выражения. Плюс небольшая усталость, небольшое перенапряжение, небольшие сбои тембра — возможно, от легкой простуды (Дмитрий три-четыре раза за отделение налил себе воды)... Удивило и то, что ПОСВЯЩЕННУЮ ему музыку Хворостовский пел ПО НОТАМ!

Романс «Я помню чудное мгновение» певец исполнил, словно обращаясь к двум портретам - Михаила Глинки и Ирины Архиповой

Впрочем, разве это важно для художественной стороны исполнения? Все равно событие ТАКОГО исполнительского качества — не то что одно на сезон: может, одно на пятилетие.

Разве что могу припомнить Анну Нетребко с романсами Чайковского и Римского-Корсакова. В том же Большом зале консерватории. И как раз 5 лет назад.

Голос

Дмитрий Хворостовский: «У Архиповой было непробиваемое лицо, будто ничего не произошло»

Перед концертом Дмитрий Хворостовский встретился на несколько минут с журналистами и рассказал о том, что для него камерная музыка, Большой зал Консерватории, память Ирины Архиповой.

— Почему пою в Большом зале консерватории романсы? Прежде всего потому, что это великий романсовый, камерный зал. И он для меня тем более символичен, что с самых первых в моей творческой карьере концертов Ирина Константиновна была здесь, рядом, смотрела на меня.

Еще с самого первого выступления на конкурса Глинки в 1987 году в Баку, когда нам запрещалось общаться с членами жюри, она показала свое расположение: после окончания моего пения встала и зааплодировала, и все члены жюри встали вместе с ней. Представляете, что для меня это значило. В 1989 году на конкурсе в Кардиффе в романсе Рахманинова «В молчанье ночи тайной» я начал врать слова и искать глазами в зале, кто бы мог мне подсказать. Но у Архиповой было настолько непробиваемое лицо, будто совершенно ничего не произошло, так что я допел до самого конца, продолжая врать...

Она всегда принимала живейшее участие в моей творческой судьбе. Никогда не давила, подавала только очень деликатные советы. Вот я с ней в молодости спорил — теперь, 20 лет спустя, понимаю, насколько был неправ, а она — права. К сожалению, такому юному максималисту, каким я тогда был, ничего не докажешь.

Ее традиции — не только великолепное оперное пение и потрясающие роли в Большом театре и на сценах всего мира, но в огромной степени камерное пение. В такой степени, какой не отмечена никакая другая карьера великих оперных певцов. Может быть, за исключением Фишера-Дискау, но я не думаю, что у него была такая блестящая оперная карьера... Поэтому, исполняя русскую камерную музыку в Большом зале консерватории, я продолжаю дело Архиповой. В первом отделении — романсы на стихи Пушкина от Глинки до Георгия Свиридова — это все пела она. Поэтому сегодня мы их и представляем с Ивари Илья.

С Ивари меня тоже познакомила Ирина Константиновна. Он ведь начинал с ней музицировать еще со своей студенческой скамьи и много лет был ее концертмейстером. Ирина Константиновна рекомендовала мне его, когда надо было готовиться к конкурсу в Кардиффе, мы занимались у нее дома, она очень помогала.

Свиридов сыграл в моей жизни огромную роль. Эта музыка настолько глубока, что поверьте, она будет существовать и цениться еще много-много веков. «Петербург» я не пел давно, с прошлого столетия, когда, можно сказать, был другим человеком. И теперешний «Петербург» совсем другой. Мне очень хотелось показать московской публике, какой путь я с тех пор прошел, что пережил, какие мысли у меня появились. А также что изменилось в жизни вообще со времени Свиридова, со времени Блока... А может, и ничего не изменилось?

На днях в Москве мы также будем исполнять «Демона» Антона Рубинштейна в концертно-сценической версии, поставленной режиссером Дмитрием Бертманом. В принципе «Демона» легче поставить, скажем, в кино, чем на сцене: он то прилетает, то улетает... А у нас, по-моему, получается интересная и необычная инсталляция. То, что это новый зал «Филармония-2», где я еще ни разу не был, меня не смущает. Наоборот, интересно.